

Разработки теории бюрократии: случай России

Макаренко В. П.,

доктор философских и политических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института философии
и социально-политических наук
Южного федерального университета,
Ростов-на-Дону, Россия,
vpmakar1985@gmail.com

Аннотация: В статье ставится проблема использования преобразований в России последних трехсот лет как материала для создания теории бюрократии, которая отличается от веберовской концепции. Эта проблема решается на основе применения концепций, разработанных в Ростовской школе политических наук Южного федерального университета (Россия). Разрабатывается понятийный аппарат, позволяющий изучать российскую, советскую и постсоветскую бюрократию во взаимосвязи с процессом формирования в России оппозиции, свободной от стереотипов бюрократической деятельности, поведения и мышления. Такая оппозиция не смогла возникнуть ни в монархической, ни в советской, ни в постсоветской России. Причины объясняются в теории бюрократии, которая содержит реконструкцию марксового определения бюрократии как социального организма-паразита, отражения множества социальных противоречий и воплощения политического отчуждения. Обсуждаются когнитивная ситуация в современной России; способы обхода исследователем выбора, навязанного ему постсоветской властью; специфика генезиса и структуры полицейского общества в стране.

Ключевые слова: советская бюрократия, подходы к исследованию советской бюрократии, способы воспроизводства в современной России.

Канун столетия

Столетие Советского Союза — важный повод для пересмотра системы иллюзий, накопленных во время его существования. Среди них находится идея о возможности создания рая на земле — *нового мира*. Это представление возникло в итоге секуляризации религиозной мысли и образует мировоззренческий костяк современности, созданный Н. Макиавелли, Ж. Руссо, К. Марксом и Ф. Ницше [Штраус, 2001, с. 68–81]. На тексты этих мыслителей опирались целые поколения реальных политиков и политические институты множества государств в течение полутысячи лет. Непредвиденные последствия этих опор обсуждаются до сих пор.

Частным случаем воплощения указанной идеи была попытка полного переустройства социального порядка в России. Она базировалась на убеждении русских революционеров:

новое общество воплотит в жизнь идеалы истины, добра, справедливости, красоты, станет образцом для подражания во всем мире. Три четверти столетия спустя оказалось, что потуги напрасны. Значит, сложившаяся в СССР система управления государством не может считаться образцом для подражания [Хобсбаум, 2004].

Прежде всего потому, что советская бюрократия унаследовала все свойства царской бюрократии, которая начала воспроизводить самое себя уже в начале XIX в. Возникшая при Сталине номенклатура стала господствующим эксплуататорским привилегированным классом СССР. Свойства российской бюрократии и советской номенклатуры унаследованы нынешним государственным аппаратом России. Социологические исследования, проведенные на протяжении 1990–2005 гг., обнаружили показательный синтез: на вершину власти в стране отбирается безынициативный приспособленец — в условиях господства холуйства как типа российской политической культуры [Гудков и др., 2007, с. 200–202].

Не менее важно обратить внимание на факт: Петр I стал инициатором отождествления *общего блага* населения России со службой Отечеству, под которым он понимал свою собственную неограниченную власть. Отсюда вытекало оправдание любых жестокостей во имя фикции государства [Хархордин, 2011, с. 55]. Со второй половины XIX в. до настоящего времени в России произошли реформа (1861 г.), революция сверху (1905–1917 гг.), индустриализация, коллективизация, культурная и научно-техническая революции (1930–1970 гг.), перестройка (1985–1991 гг.), опять реформа (1992–2000 гг.). Все эта цепь процессов и событий завершилась переходом к реакции (2001–2010 гг.) [Олейник, 2011; Иноземцев, 2013].

На протяжении XX века господствующие меньшинства СССР/России истратили на преобразования громадные природные и человеческие ресурсы. Но по всем характеристикам качества человеческой жизни и технологий Россия по-прежнему отстает от ведущих стран мира. Реформы, революции и перестройки закончились эволюционным тупиком, выход из которого не найден. Поэтому на протяжении последнего десятилетия большинство россиян не хочет иметь дела с государством [Эппле, 2020, с. 432].

Эта ситуация — следствие господства бюрократии над населением страны. В литературе феномен бюрократии обычно трактуется на основе концепции М. Вебера и ее развития в трудах Т. Парсонса, Р. Мертона, М. Крозье и др. Однако уже в период *перестройки* здравомыслящие социологи показали, что применять концепцию Вебера к объяснению советской бюрократии нельзя — надо искать другие подходы [Ионин, Шкаратан, 1989, с. 426–427]. Двадцать лет спустя аналогичные суждения высказаны в отношении российской бюрократии [Российское государство..., 2007; Клямкин, Кутковец].

Постановка проблемы

Развитие этого подхода начну с констатации: для Маркса Англия послужила страной, в процессе изучения которой он создал свой вариант теории капитализма. Данная теория базировалась на обобщении истории первоначального накопления капитала в течение не менее трех столетий. Отсюда вытекает вопрос: не могут ли преобразования России последних трехсот лет послужить материалом для создания теории бюрократии, которая

отличается от веберовского концепта бюрократии как рационального управления государством?

Историческая часть ответа на вопрос здесь не рассматривается. Ограничусь несколькими штрихами концептуализации предполагаемого материала. К. Виттфогель в 1930-е гг. начал разрабатывать теорию гидравлического государства для объяснения природы аграрных бюрократий Египта и Китая. В окончательном виде эта теория сложилась в середине 1950-х гг., когда Виттфогель ввел категории «всемирно-исторической трагедии» и «аппаратного государства». Первая из них описывала систему восточного деспотизма, вторая — политическую историю СССР как ее разновидность. На рубеже XX–XXI веков произошла реанимация теории гидравлического государства [Галеев, 2011]. В России ее оценка возникает на фоне интеграции востоковедения с критическим марксизмом и процессом разработки контридеологии [Алаев, 2019; Философия и идеология..., 2018].

Теорию Виттфогеля сегодня можно дополнить концепциями *сталинской бюрократии* Л. Троцкого, *нового класса* М. Джиласа, *номенклатуры* М. Восленского. Все они образуют ряд попыток выхода за пределы марксистской догматики при обсуждении природы советской бюрократии. Эти ученые и политики способствовали тому, что проблема бюрократии начала рассматриваться в контексте революционного процесса, включая близкие и отдаленные последствия революций в каждой стране. С этой точки зрения история России в XX веке дает богатейший материал для синтеза теории бюрократии с теориями революций и революционной практикой.

В Ростовской школе политических наук, которая сложилась на базе Южного федерального (бывшего Ростовского государственного) университета, такой подход развивается с 1980-х гг. На протяжении предыдущих сорока лет здесь проведены фундаментальные исследования, посвященные изучению различных аспектов указанной задачи. Они воплощены в трех десятках монографий, восьмитомном собрании сочинений, издании журнала, докторских и кандидатских диссертациях, примерно тысяче научных и публицистических статей, а также публичных лекциях в Рунете.

Итогом является разработка понятийного аппарата, позволяющего изучать российскую, советскую и постсоветскую бюрократию во взаимосвязи с процессом формирования в России оппозиции, свободной от стереотипов бюрократической деятельности, поведения и мышления. Такая оппозиция не смогла возникнуть ни в монархической, ни в советской, ни в постсоветской России. Причины этого объясняются в теории бюрократии, которая содержит реконструкцию марксового определения бюрократии как социального организма-паразита, отражения множества социальных противоречий и воплощения политического отчуждения.

Русская бюрократия возникала как элемент системы власти-собственности в ее монархической, советской и постсоветской формах. Для анализа данной системы используются концепты политического отчуждения, гражданского отчуждения и гражданского сопротивления. Они могут также применяться для составления программы исследований современной российской номенклатуры.

Эта программа базируется на критике всех концепций политического как отношения между «своими-чужими» (традиционный трайбализм) и «друзьями-врагами» (версия К. Шмитта) [Подорога, 2010]. Из указанных концепций вытекает определенная трактовка

государственного разума (интереса) в системе Шмитта, которая уже подвергалась критике [Филиппов, 2005, с. 277–322]. Маркс показал, что государственный разум (интерес) входит в состав бюрократического отношения к действительности и одновременно его конституирует. Ни у Вебера, ни у Шмитта такой постановки проблемы обнаружить нельзя. Поэтому концепция бюрократии Маркса сохраняет свой эвристический потенциал. Тем более что бюрократическое содержание государственных интересов царской, советской и нынешней России только начинает обсуждаться.

В 1990 г. автор предложил рассматривать процессы трансформации России не через призму концепции *перестройки* (такую точку зрения внедряла в массовое сознание политическая и идеологическая номенклатура СССР), а как продукт влияния на политическое сознание и поведение населения страны кадров аппарата КПСС, профессиональных военных, государственной администрации, органов госбезопасности, МВД и СМИ, а также пенсионеров и молодежных организаций всех указанных структур. Из них и составлен костяк современной бюрократии России (за исключением аппарата КПСС, на роль которого претендует администрация президента в единстве с аппаратом «Единой России»). Это и есть нынешний «свой-чужой» и «друг-враг» граждан России. Его предрассудки помогают популяризовать концепция Шмитта [Михайловский, 2008; Аронсон, 2017] и ее эпигоны в теории и политике.

Здесь СССР никакой новизны не содержал. Большинство политических режимов держится на кадрах профессиональных религиозных предпринимателей, военных, полицейских, юристов и чиновников. Эти кадры «решают все», обладая монополией на информацию о реальных процессах в реальных обществах, на участие в политике и формировании политической повестки дня. Антимонопольного законодательства в этой сфере России до сих пор не существует. Одновременно негласный запрет на занятия политикой определил рамки деятельности современных российских бизнесменов. Значит, возрожденная советская номенклатура влияет на сознание и поведение «безмолвствующего большинства» России (если воспользоваться концептом Ф. Броделя). Она придает множеству своих частных точек зрения и властно-конъюнктурному произволу ранг государственных интересов, обладающих (по ее мнению) всеобщностью, необходимостью и обязательностью. До каких пор будет продолжаться такая монополия? Вопрос открытый.

Сохранение центрo-периферийных отношений в стране позволяет его конкретизировать в процессе изучения специфики генезиса и структуры полицейского общества в России в целом и в каждом ее регионе на протяжении предыдущих двухсот лет [Чернуха, 2020, с. 15–43]. Для этого автор разработал концепты полицейизирующих и полицейизированных профессиональных групп. К первой относятся члены указанных частей государственного аппарата. Ко второй — все остальные профессиональные группы в той степени, в которой они неспособны к выработке самостоятельной социальной и политической мысли. И бездумно копируют образ мысли и поведения первой группы. Это — ресурс подданнического типа политических культур (по типологии Г. Алмонда и С. Верба). Для него свойственна ориентация на персонифицированную власть и ее исполнительные органы, а не на законодательные органы и личность как участников политического процесса. Такова ситуация в нынешней России.

На протяжении последних двадцати лет обозначилось также стремление значительной части молодежи попасть в вузы, которые готовят смену «своих чужих». Это тоже способствует трансляции верноподданности в новые условия — независимо от реформ сверху¹.

В 2000-е гг. для обобщения синтетического исследования бюрократии, оппозиции и легитимности автор разработал общую методологию социально-политического анализа под названием «политическая концептология». Ее предмет состоит в изучении связей политики со всеми сферами природной и социокультурной реальности с одновременной полемикой со всеми формами влияния традиционализма, экономикоцентризма, кратоцентризма и идеократии на когнитивные и политические процессы. Политическая концептология состоит из трех частей: дисциплинарной (синтез результатов анализа политики в философии, экономической теории, социологии, политологии, юриспруденции, историографии и теории политического контекста); идеологической (синтез основных идей и аргументов либерализма, консерватизма, социализма, марксизма, феминизма, экологизма, коммунитаризма, анархизма); концептуальной (изучение основных политических концептов — от свободы до толерантности).

Множество феноменов социально-экономической и властно-управленческой реальности России, сложившихся после «исторической» (в 1917 г.) и «геополитической» (в 1991 г.) катастроф, если мы согласны с указанным жаргоном, может быть описано с помощью данного инструментария на междисциплинарном, идеологическом и концептуальном уровнях. Речь идет о систематическом изучении процессов, результатов и следствий деятельности советской (российской) бюрократии в сферах экономики, социальной и профессиональной структуры, политики, идеологии и культуры России. В современном марксизме, социализме, коммунитаризме и феминизме проблема бюрократии рассматривается как центральная для всего круга социальных наук. На этом пути возможны серийные фундаментальные и прикладные сравнительные исследования государственных аппаратов постсоветского пространства, включая Россию.

К настоящему времени реализована незначительная часть замысла. Для обозначения сложившейся в стране связи бюрократии с обществом автор ввел метафору «сжирубешенство» (путем преобразования русской поговорки в имя существительное). Эта метафора позволяет анализировать экономические, социологические, политические, агентурные и идеологические аспекты воспроизводства советской номенклатуры после 1991 г. [Макаренко, 2016]. А также множество их политических, идеологических и культурных следствий.

Сжирубешенство — это прежде всего вопиющий разрыв между доходами трудящихся в различных сферах материального и духовного производства — и баснословными доходами «своих чужаков» в обмен на верноподданность. Становление данного разрыва доказано социологическими исследованиями [Шкаратан, 2009], а также множеством форм

¹ Здесь надо учитывать исключения из правил. Цикл работ С. А. Денисова свидетельствует, что критическую позицию в отношении статус-кво могут занимать и профессиональные полицейские, опыт которых (прежде всего концепция административного общества и его воспроизводства в новых условиях) и демократические убеждения заслуживают всестороннего изучения. Денисов С. А. Персональный сайт. Доступно <http://denisov11-12.narod.ru/> 26.08.2020.

структурного насилия, существующих в России. Эти факты надо поставить в связь с комплексом теорий справедливости и практикой их реализации в постсоветской России. И дополнить изучением влияния данного разрыва на все социальные процессы, включая культивирование политической лжи и цинизма в стране, а также отношений России с Украиной.

Речь идет о разработке концепции, которая позволяет критически относиться к политической истории и системе России до 1917 г., с 1917 г. до 1991 г., после 1991 г. до настоящего времени — с одновременным дистанцированием от рутины «западничества» и «славянофильства». Необходимость такой концепции объясняется двумя кардинальными фактами: вожди Советской России не смогли блокировать влияние царской бюрократии на советскую власть; господствующие меньшинства России не смогли блокировать влияние советской номенклатуры на нынешнюю систему власти. Значит, категории *всемирно-исторической трагедии* и *аппаратного государства* Виттфогеля сохраняют эвристический потенциал, но их надо нагружать материалом конкретных исследований.

К настоящему времени систематизированы результаты дискуссий по проблемам бюрократии и авторитаризма, связи насилия с политической бюрократией, политической бездарности с государственными интересами, которые ведутся в России на протяжении последних тридцати лет.

Поле выбора

Проанализированы также типы определений бюрократии. В них обычно отсутствует различие описания и оценки, а также другие составные части теоретического знания [Степин, 2000]. Мера адекватности социального анализа (включая изучение бюрократии) в общем виде определяется конкретно-историческим пониманием и институционализацией различия между естествознанием и социогуманитарным знанием. Особое влияние на это различие оказывают культурно-исторические модели отношения между наукой и властью [Наука и кризисы, 2003]. В зависимости от преобладания в стране колониально-имперской, революционно-бюрократической или самодержавно-бюрократической модели ставится и (не)решается проблема познания связей между бюрократией и экономикой, социальной структурой, политикой, идеологией и культурой.

Не менее важна проблема взаимосвязей теоретических и политико-управленческих аспектов описания пространственно-временной специфики русской бюрократии. Типичная точка зрения сводится к ее идеализации и пропаганде концепта народной монархии как перспективы будущего тысячелетия России [Прохоров, 2002; Сергейцев, Куликов, Мостовой, 2020].

Мой подход к определению предмета и структуры теории бюрократии со времени создания первой книги состоит в формулировке трех вопросов: как выделяется (устанавливается) предмет исследования (в данном случае — бюрократия)? какие категории (понятия, концепты) используются (конструируются) для анализа данного предмета? какие правила (закономерности) поведения бюрократии фиксируются с помощью данных категорий (понятий, концептов)? Эти вопросы я вначале ставил в отношении классического корпуса сочинений и писем К. Маркса и Ф. Энгельса (второе издание на русском языке),

сочинений М. Вебера (первое посмертное издание) и В. И. Ленина (пятое издание). А ответы затем использовал для описания советской и постсоветской России. При этом возникал ряд марксоведческих, вебероведческих и лениноведческих проблем, которые здесь не рассматриваются [Современные методологические стратегии, 2014].

Напомню только, что в политике Маркс-Энгельс-Ленин, с одной стороны, и Вебер — с другой, занимали диаметрально противоположные позиции. Однако в отношении к русской бюрократии их позиции совпадали — были резко отрицательными. Этот момент весьма показателен и требует особого разбора. Попутно замечу, что множество суждений Маркса-Энгельса-Ленина о русской бюрократии 150–100-летней давности вполне можно применить к описанию нынешней администрации России и нагрузить конкретным материалом для уточнения и развития. Речь идет о российской структуре «трехбуквенных организаций» (новация О. Хархордина), при анализе которой надо обойти выбор между прикормленным общественником и бессильным критиком [Хархордин, 2020, с. 157].

Для решения данной задачи был сформулирован концепт дистанции исследователя от социально-политической конъюнктуры и всего корпуса социально-политических знаний. Обычно эти знания производны от традиционализма, экономоцентризма, кратоцентризма, идеократии. На этом пути возникает возможность систематизации комплекса причин, объясняющих вневременной характер отрицательной оценки русской бюрократии.

Вебер создавал свою концепцию легального господства с бюрократическим (рациональным) штабом управления для акцентирования отличия Европы от Китая и Индии. Однако вслед за Марксом Вебер определял русскую бюрократию как паразита, единственный смысл которого состоит в поддержке баланса политических сил в обществе. Отсюда вытекала специфика русского самодержавия, которое, по мнению Вебера, инициировало неразрешимые проблемы исключения бездарей из политического процесса России и ликвидации взаимосвязи между российским империализмом, интеллектуализмом и национализмом [Вебер, 2007]. Современные труды дополняют это прозрение Вебера столетней давности [Соловьев, 2017].

Еще один момент совпадения методологии Маркса и Вебера: тот и другой требовали беспощадной критики существующего общества и связанной с ним официальной социальной науки. Маркс создал фундамент критической теории общества, которая на протяжении XX века развивалась не только в Европе, но и в СССР [Маркс против марксизма, 2017]. Вебер сформулировал концепт познавательного радикализма ученого. Оба имели в виду факт: в повседневной жизни поведение людей непоследовательно и происходит без рефлексии. Люди не размышляют, а приспособляются к существующим традициям и нормам поведения. Не формулируют принципы своего поведения с беспощадной (к себе и другим) последовательностью и редко в состоянии их реализовать. Поэтому трудно достичь ясности социологических понятий и методов.

Ученый обязан руководствоваться когнитивным интересом, который не всегда совпадает с гражданским и политическим долгом. При несовпадении ученому трудно открывать предпосылки, принципы и причины всех рутинизированных форм поведения и действия, включая бюрократические стереотипы. Отсюда вытекает методологическое следствие: чем больше люди и институты взаимно приспособляются друг к другу, тем больше должен быть познавательный радикализм ученого. Но этот принцип в социальных

науках XX в. реализовывался только в той мере, в которой не нарушал писанные и неписанные правила господства власти над наукой [Подвластная наука, 2010]. Всеобщая история догматизма в социальном познании и его социально-политические следствия в каждой стране еще не написана. Подступами к ней можно считать критическую теорию государства и связанные с ней проекты анализа бюрократии как класса [Бурдые, 2016; Фуко, 2011; Ясаи, 2008 и др.].

Взгляды на бюрократию Маркса и Вебера вызревали в различном методологическом контексте. Мысль Маркса формировалась прежде всего в полемике с гегелевской философией права, в которой постулировалась связь между семьей, гражданским обществом и государством. Гегель считал, что каждой из них присуща особая форма сознания — патриотизм, корпоративный дух, государственный разум, из которых он выводил «политическую мудрость» правительства. Маркс отвергал эту процедуру и видел в ней предпосылку бюрократического отношения к действительности. Однако Маркс разрабатывал монистический подход к исследованию истории общества, предлагая свой вариант материалистического понимания истории, теории капитализма и теории революции.

Вебер развивал дуалистический подход к анализу социальных объектов. Стремился создать такой вариант теории модернизации, который базируется на идее о ведущей роли компромиссов в истории европейской культуры (от сословия древнееврейских пророков до сословия возрожденческих юристов и религиозных вождей Реформации). На этой основе он отвергал революционное развитие общества и связанную с ним этику убеждения, типичную для русских революционеров.

Прогнозы Маркса и Вебера относительно перспектив преодоления бюрократии в будущем обществе тоже кардинально различались. Маркс уже в работах 1850-х гг. считал ликвидацию бюрократии элементом преодоления политического отчуждения. На этой основе он сформулировал задачу слома государственной машины и реализации множества других требований, благодаря которым предполагалось устранить бюрократию. Вебер настаивал на том, что бюрократизация есть необходимая составная часть процесса демократизации, которая определяет перспективу будущего общества.

На протяжении XX века оба подхода к проблеме бюрократии конкурировали друг с другом и существенно повлияли на либеральную, консервативную, социалистическую и марксистскую мысль и практику. Современная методология науки к настоящему времени не сформулировала определенных критериев в пользу одного из подходов. Практика тоже не дает на них абсолютного ответа. Хотя давно стало ясно, что невозможно достичь абсолютной свободы от ценностей (на чем настаивал Вебер) при отражении социальных объектов. С другой стороны, марксова программа слома государственной машины при ее реализации в условиях России привела к небывалому расширению и укреплению бюрократии, перед которыми меркнут как оптимистические, так и пессимистические прогнозы.

Видимо, можно согласиться со Станиславом Андрески: категория рациональности, образующая основание веберовского толкования социального действия, и вытекающие из нее типы легитимного порядка, включая легальное господство с бюрократическим штабом управления, являются ахиллесовой пятой всей социологической теории Вебера, из чего

вытекает проблема выявления и описания общих ошибок Маркса и Вебера [Andreski, 1992; Андрески, 2012].

Начальным этапом реализации этой задачи можно считать вывод тридцатилетней давности: никакого рационального управления Россией не было, нет и не предвидится [Бюрократия, авторитаризм..., 1993]. Нынешняя популярность Вебера в России еще ничего не говорит о мере обоснованности его теории. Перспектива выбора теории бюрократии Вебера или Маркса в значительной степени определяется возможностями операционализации каждой из них до уровня методик конкретных социологических исследований государственного аппарата России и других постсоветских стран. Однако «свои чужие» социальные группы обычно уклоняются от таких исследований. Значит, теорию бюрократии надо развивать в соответствии с нормами политической критики [Уолцер, 1999].

Литература

1. Andreski S. Маха Webera olsnienia I pomyłki. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1992. 190 s.
2. Алаев Л. Б. Проблематика истории Востока. — М.: ЛЕНАНД, 2019. — 504 с.
3. Андрески С. Самое уязвимое место: понятие рациональности / пер. В. П. Макаренко // Проблемы политической философии: переводы, комментарии, полемика: коллективная монография / Под ред. В. П. Макаренко. — Ростов-н/Д.: Ростиздат, 2012. — С. 95–132.
4. Арндт Х. О насилии / Пер. с англ. Г. М. Дашевского. — М.: Новое издательство, 2014. — 148 с.
5. Аронсон О. В. Силы ложного: опыты неполитической демократии. — М.: Фаланстер, 2017. — 446 с.
6. Бурдые П. О государстве: курс лекций в Коллеж-де-Франс (1989–1992) / Пер. с фр. Д. Кралечкина и И. Кушнаревой; предисл. А. Бикбова. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. — 720 с.
7. Бюрократия, авторитаризм и будущее демократии в России (материалы круглого стола) // Вопросы философии. — 1993. № 2.
8. Вебер М. О России: избранное / Пер. А. Кустарева. — М.: РОССПЭН, 2007. — 157 с.
9. Восленский М. Номенклатура. — М.: Захаров, 2005. — 640 с.
10. Галеев К. Р. Теория гидравлического государства К. Виттфогеля и ее современная критика // Социологическое обозрение. — 2011. Т. 10. № 3. — С. 155–179.
11. Гудков Л., Дубин Б., Левада Ю. Проблема «элиты» в сегодняшней России: размышления над результатами социологического исследования. — М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. — 372 с.
12. Денисов С. А. Персональный сайт. URL: <http://denisov11-12.narod.ru/> (дата обращения: 26.08.2020).

13. Иноземцев В. Л. Потерянное десятилетие. — М.: Московская школа политических исследований, 2013. — 600 с.
14. Ионин Л. Г., Шкаратан О. И. Паркинсон и бюрократы (послесловие — диалог) // Паркинсон С. Н. Законы Паркинсона: сборник / Пер. с англ., сост. и авт. предисл. В. С. Муравьев. — М.: Прогресс, 1989. — С. 426–447.
15. Клямкин И., Кутковец Т. Как нас учат любить Родину? URL: <https://www.democracy.ru/article.php?id=1136> (дата обращения: 15.04.2020).
16. Макаренко В. П. Русская власть и бюрократическое государство. 2-е изд. — Ростов-н/Д.: Изд-во Южного федерального университета, 2016. — 642 с.
17. Межуев В. М. Маркс против марксизма. Статьи на непопулярную тему. М.: Культурная революция, 2007. 176 с.
18. Михайловский А. В. Борьба за Карла Шмитта. О рецепции и актуальности понятия политического // Вопросы философии. — 2008. № 9. — С. 158–171.
19. Наука и кризисы: Историко-сравнительные очерки / отв. ред., сост. Э. И. Колчинский. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 1040 с.
20. Олейник А. Н. Власть и рынок: система социально-экономического господства в России «нулевых» годов. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. — 438 с.
21. Подвластная наука? Наука и советская власть / Сост., науч. ред. С. С. Неретина, А. П. Огурцов. — М.: Изд-во «Голос», 2010.
22. Подорога В. А. Апология политического. — М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2010. — 287 с.
23. Прохоров А. П. Русская модель управления. — М.: ЗАО «Журнал Эксперт», 2002. — 376 с.
24. Российское государство: вчера, сегодня, завтра / Под общ. ред. И. М. Клямкина. — М.: Новое издательство, 2007. — 624 с.
25. Сергейцев Т. Н., Куликов Д. Е., Мостовой П. П. Идеология русской государственности. Континент Россия. — СПб.: «Питер», 2020. — 688 с.
26. Современные методологические стратегии: Интерпретация. Конвенция. Перевод / Коллективная монография. Под общ. ред. Б. И. Пружинина, Т. Г. Щедриной. — М.: Политическая энциклопедия, 2014. — 526 с.
27. Соловьев К. Хозяин земли русской? Самодержавие и бюрократия в эпоху модерна. — М.: Новое литературное обозрение, 2017. — 296 с.
28. Степин В. С. Теоретическое знание. — М.: Прогресс-Традиция, 2000.
29. Уолцер М. Компания критиков. Социальная критика и политические пристрастия XX века. — М.: Идея-Пресс, 1999. — 360 с.
30. Филиппов А. Ф. Техника диктатуры: К логике политической социологии // Шмитт К. Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы / Пер. с нем. Ю. Ю. Коринцы; Под ред. Д. В. Кузницына. — СПб.: Наука, 2005. — С. 277–322.
31. Философия и идеология: от Маркса до постмодерна / Отв. ред. А. А. Гусейнов, А. В. Рубцов, сост. А. В. Рубцов. — М.: Прогресс-Традиция, 2018. — 464 с.

32. Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году / Пер. с фр. В. Ю. Быстрова, Н. В. Сулова, А. В. Шестакова. — СПб.: Наука, 2011. — 544 с.
33. Хайтун С. Д. Номенклатура против России. Эволюционный тупик. Изд. 2-е. — М.: ЛЕНАНД, 2016. — 728 с.
34. Хархордин О. Основные понятия российской политики. — М.: Новое литературное обозрение, 2011. — 328 с.
35. Хархордин О. В. Республика, или Дело публики. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. — 161 с.
36. Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914—1991). — М.: Издательство Независимая Газета, 2004. — 632 с.
37. Чернуха В. Г. Эпоха Великих реформ — шаг на пути от полицейского к правовому государству // Исследования по истории внутренней политики России второй половины XIX века: Сборник статей Валентины Григорьевны Чернухи к 90-летию со дня рождения / сост., вступит. ст. И. Е. Барыкиной. — СПб.: Нестор-История, 2020. — С. 15–42.
38. Шкаратан О. И. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. — М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2009. — 560 с.
39. Штраус Л. Три волны современности // Штраус Л. Введение в политическую философию / Пер. с англ. М. Фетисова. — М.: Праксис, 2001. — С. 68–81.
40. Эппле Н. Неудобное прошлое: память о государственных преступлениях в России и других странах. — М.: Новое литературное обозрение, 2020. — 576 с.
41. Ясаи Э. Государство / Пер. с англ. Г. Покатовича; под ред. Ю. Кузнецова. — М.: ИРИСЭН, 2008. — 410 с.

References

1. Alaev L. B. *Problematika istorii Vostoka* [Problems of the history of the East]. Moscow: LENAND, 2019. 504 p. (In Russian.)
2. Andreski S. “Samoe uiazvimoe mesto: poniatie ratsional’nosti” [The most vulnerable spot: the concept of rationality], in: *Problemy politicheskoi filosofii: perevody, kommentarii, polemika: kollektivnaia monografiia* [Problems of political philosophy: translations, comments, polemics: collective monograph], ed. by V. P. Makarenko. Rostov-on-Don: Rostizdat, 2012, pp. 95–132. (In Russian.)
3. Andreski S. *Maxa Webera olsnienia I pomylki*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1992. 190 s.
4. Arendt H. *O nasilii* [About violence]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2014. 148 p. (In Russian.)
5. Aronson O. V. *Sily lozhnogo: opyty nepoliticheskoi demokratii* [Forces of the False: Experiences in Non-Political Democracy]. Moscow: Falanster, 2017. 446 p. (In Russian.)

6. *Biurkратиia, avtoritarizm i budushchee demokratii v Rossii (materialy kruglogo stola)* [Bureaucracy, authoritarianism and the future of democracy in Russia (materials of the round table)]. *Voprosy filosofii*, 1993, no. 2. (In Russian.)
7. Bourdieu P. *O gosudarstve: kurs lektzii v Kollezh de Franc (1989–1992)* [On the State: a course of lectures at the College de France (1989–1992)]. Moscow: Izdatel'stkii dom "Delo" RANKhiGS, 2016. 720 p. (In Russian.)
8. Chernukha V. G. "Epokha Velikikh reform: shag na puti ot politseiskogo k pravovomu gosudarstvu" [The era of the Great Reforms is a step on the way from a policeman to a law-based state], in: *Isseldovaniia po istorii vnutrennei politiki Rossii vtoroi poloviny XIX veka: Sbornik statei Valentiny Grigor'evny Chernukhi k 90-letiiu so dnia rozhdeniia* [Studies on the history of Russia's domestic policy in the second half of the 19th century: Collection of articles by Valentina Grigoryevna Chernukha on the occasion of her 90th birthday], ed. by I. E. Barykina. St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2020, pp. 15–42. (In Russian.)
9. Denisov S. A. Personal website. URL: [<http://denisov11-12.narod.ru/>], accessed on 26.08.2020]. (In Russian.)
10. Epple N. *Neudobnoe proshloe: pamiat' o gosudarstvennykh prestupleniakh v Rossii i drugikh stranakh* [An inconvenient past: the memory of state crimes in Russia and other countries]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. 576 p. (In Russian.)
11. Filippov A. F. "Tekhnika diktatury: k logike politicheskoi sotsiologii" [The Technique of Dictatorship: Toward the Logic of Political Sociology], in: C. Schmitt, *Diktatura. Ot istokov sovremennoi idei suvereniteta do proletarskoi klassovoi bor'by* [Dictatorship. From the origins of the modern idea of sovereignty to the proletarian class struggle], ed. by D. V. Kuznitsyna. St. Petersburg: Nauka, 2005, pp. 277–322. (In Russian.)
12. *Filosofiia i ideologiya: ot Marksa do postmoderna* [Philosophy and ideology: from Marx to postmodern], ed. by A. A. Gusenov, A. V. Rubtsov. Moscow: Progress-Traditsiia, 2018. 464 p. (In Russian.)
13. Foucault M. *Bezopasnost', territoriia, naselenie. Kurs lektzii, pročitannykh v Kollezh de Frans v 1977–1978 uchebnom godu* [Security, territory, population. Course of lectures delivered at the College de France in the academic year 1977–1978]. St. Petersburg: Nauka, 2011. 544 p. (In Russian.)
14. Galeev K. R. *Teoriia gidravlicheskogo gosudarstva K. Vittfogelia i ee sovremennaiia Kritika* [The theory of the hydraulic state by K. Wittfogel and its modern criticism]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2011, vol. 10, no. 3, pp. 155–179. (In Russian.)
15. Gudkov L., Dubin B., Levada Iu. *Problema "elity" v segodniashnei Rossii: razmyshleniia nad rezul'tatami sotsiologicheskogo issledovaniia* [The problem of the "elite" in today's Russia: reflections on the results of a sociological study]. Moscow: Fond "Liberal'naia mysl'", 2007. 372 p. (In Russian.)
16. Haitun S. D. *Nomenklatura protiv Rossii. Evolyutsionnyj tupik* [Nomenclature against Russia. Evolutionary dead end], 2-nd ed. Moscow: LENAND, 2016. 728 p. (In Russian.)
17. Iasai E. *Gosudarstvo* [State], ed. by Iu. Kuznestova. Moscow: IRISEN, 2008. 410 p. (In Russian.)
18. Inozemtsev V. L. *Poteriannoe desiatiletie* [Lost decade]. Moscow: Moskovskaia shkola politicheskikh issledovaniia, 2013. 600 p. (In Russian.)

19. Ionin L. G., Shkaratan O. I. “Parkinson i biurokraty (poselsovie — dialog)” [Parkinson and bureaucrats (afterword — dialogue)], in: S. N. Parkinson, *Zakony Parkinsona: sbornik* [Parkinson's laws: a collection], ed. by V. S. Murav'ev. Moscow: Progress, 1989, pp. 426–447. (In Russian.)
20. Kharkhordin O. *Osnovnye poniatii rossiskoi politiki* [Basic concepts of Russian politics]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. 328 p. (In Russian.)
21. Kharkhordin O. V. *Respublika, ili Delo publiki* [The Republic, or the Case of the Public]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2020. 161 p. (In Russian.)
22. Khobsbaum E. *Epokha krainostei: Korotkii dvadtsatyi vek (1914–1991)* [The Age of Extremes: The Short Twentieth Century (1914–1991)]. Moscow: Izdatel'stvo Nezavisimaia Gazeta, 2004. 632 p. (In Russian.)
23. Kliamkin I., Kutkovets T. *Kak nas uchat liubit' Rodinu?* [How are we taught to love the motherland?]. URL: [<https://www.democracy.ru/article.php?id=1136>, accessed on 15.04.2020]. (In Russian.)
24. Makarenko V. P. *Russkaia vlast' i biurokraticheskoe gosudarstvo* [Russian power and the bureaucratic state], 2-nd ed. Rostov-on-Don: Izdatel'stvo Iuzhnogo federal'nogo universiteta, 2016. 642 p. (In Russian.)
25. Mezhuev V. M. *Marks protiv marksizma: stat'i na nepopuliarnuiu temu* [Marx against Marxism. Articles on an unpopular topic]. Moscow: Kul'turnaia revoliutsiia, 2007. 176 p. (In Russian.)
26. Mikhailovski A. V. *Bor'ba za Karla Shmitta. O retseptsii i aktula'nosti poniatii politicheskogo* [Fight for Carl Schmitt. On the reception and relevance of the concept of political]. *Voprosy filosofii*, 2008, no. 9, pp. 158–171. (In Russian.)
27. *Nauka i krizisy: istoriko-sravnitel'nye ocherki* [Science and crises: Historical and comparative essays], ed. by E. I. Kolchinskii. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2003. 1040 p. (In Russian.)
28. Oleinik A. N. *Vlast' i rynek: Sistema sotsial'no-ekonomicheskogo gospodstva v Rossii “nulevykh” godov* [Power and the market: the system of socio-economic domination in Russia in the “zero” years]. Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN), 2011. 438 p. (In Russian.)
29. Podoroga V. A. *Apologiia politicheskogo* [Apologia for the political]. Moscow: Izdatel'stkii dom GU-VShE, 2010. 287 p. (In Russian.)
30. *Podvlastnaia nauka? Nauka i sovskaia vlast'* [Subservient science? Science and Soviet power], ed. by S. S. Neretina, A. P. Ogurtsov. Moscow: Izdatel'stvo “Golos”, 2010. (In Russian.)
31. Prokhorov A. *Russkaia model' upravleniia* [Russian management model]. Moscow: ZAO “Zhurnal Ekspert”, 2002. 376 p. (In Russian.)
32. *Rossiiskoe gosudarstvo: vchera, segodnia, zavtra* [Russian state: yesterday, today, tomorrow], ed. by I. M. Kliamkin. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2007. 624 p. (In Russian.)
33. Sergeitsev T. N., Kulikov D. E., Mostovoi P. P. *Ideologiia russkoi gosudarstvennosti. Kontinent Rossiia* [The ideology of Russian statehood. Continent Russia]. St. Petersburg: Piter, 2020. 688 p. (In Russian.)

34. Shkaratan O. I. *Sotsial'no-ekonomicheskoe neravenstvo i ego vosproizvodstvo v sovremennoi Rossii* [Socio-economic inequality and its reproduction in modern Russia]. Moscow: ZAO "OLMA Media Grupp", 2009. 560 p. (In Russian.)
35. Solov'ev K. *Khoziain zemli russkoi? Samoderzhavie i biurokratiia v epokhu moderna* [The owner of the Russian land? Autocracy and bureaucracy in the era of modernity]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 296 p. (In Russian.)
36. *Sovremennye metodologicheskie strategii: Interpretatsiya. Konventsiiya. Perevod* [Modern Methodological Strategies: Interpretation. convention. Translation], ed. by B. I. Pruzhinin, T. G. SHCHedrina. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2014. 526 p. (In Russian.)
37. Stepin V. S. *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical knowledge]. Moscow: Progress-Traditsiia, 2000. (In Russian.)
38. Strauss L. "Tri volny sovremennosti" [Three Waves of Modernity], in: L. Shtraus, *Vvedenie v politicheskuiu filosofiiu* [Introduction to Political Philosophy]. Moscow: Praxis, 2001, pp. 68–81. (In Russian.)
39. Voslenskij M. *Nomenklatura* [Nomenclature]. Moscow: Zaharov, 2005. 640 p. (In Russian.)
40. Walzer M. *Kompaniia kritikov. Sotsial'naia kritika i politicheskie pristrastiia XX veka* [Company of Critics. Social criticism and political predilections of the 20th century]. Moscow: Ideia-Press, 1999. 360 p. (In Russian.)
41. Weber M. *O Rossii: izbrannoe* [About Russia: favorites]. Moscow: ROSSPEN, 2007. 157 p. (In Russian.)

Development of the theory of bureaucracy: the case of Russia

Makarenko V. P.,

Doctor of Philosophy and Political sciences, Professor,
Chief Researcher, Institute of Philosophy,
Social and political sciences of the Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia,
vpmakar1985@gmail.com

Abstract: The article presents the problem of using the transformations in Russia of the last three hundred years as a material for creating the theory of bureaucracy, which differs from the Weber concept. This problem is being addressed through the application of concepts developed at the Rostov School of Political Science of the Southern Federal University (Russia). The conceptual apparatus is being developed to study the Russian, Soviet and post-Soviet bureaucracy in connection with the process of forming an opposition in Russia, free from the stereotypes of bureaucratic activity, behavior and thinking. Such opposition could not emerge in either monarchical, Soviet or post-Soviet Russia. The reasons are explained in the theory of bureaucracy, which contains a reconstruction of the Marx definition of bureaucracy as a social parasite organism, reflection of many social contradictions and embodiment of political exclusion. The cognitive situation in modern Russia is discussed; ways for the researcher to bypass the choices imposed on him by the post-Soviet authorities, the specifics of genesis and the structure of the police society in the country.

Keywords: soviet bureaucracy, approaches to the study of the soviet bureaucracy, methods of reproduction in modern Russia.